

Расчёты

Когда Бабка Цин наконец убралась восвояси, дети быстро успокоились. Выросшие у воды, в свои пять-шесть лет они уже всю умели плавать, и недавние слёзы были вызваны вовсе не страхом утонуть, а лишь грозным видом старухи.

Утешив малышей, Су Лин подхватил таз и направился к дому. Мокрый подол его одежд успел высохнуть на ходу — под палящим солнцем простуда ему не грозила.

Дома его встретил только Сяо Хэй, радостно завилявший хвостом; Девятнадцатого всё ещё не было. Юноша установил бамбуковые жерди между двумя коричневыми деревьями, смочил тряпку колодезной водой и, тщательно протерев перекладыны, принялся развешивать бельё.

Вскоре на пороге возникла Пятая тётя. В одной руке она сжимала за лапы курицу, в другой тащила увесистый мешок. Су Лин едва сдержал смешок: Ши Синцзюй оказалась на редкость скорой на расправу. Ещё на берегу, когда он препирался с Ши Цинъюнь, юноша приметил в окне дома на том берегу её любопытную голову.

— Пятая тётя, ну зачем вы всё это притащили? — проговорил Су Лин. — Я же сказал, что не нужно.

— Как это не нужно? А если тебе есть нечего будет? — Ши Синцзюй бросила курицу на землю и как бы невзначай качнула перед лицом племянника пяти-килограммовым мешком. — Вот, принесла тебе отборного риса, сама такой только по праздникам ем. Знаю, какой ты привереда, специально для тебя выбирала.

Юноша взглянул на мешок. Жёлтая обёртка с клеймом рисовой лавки «Хэ Цзи» сразу бросалась в глаза. Мелкая фасовка высшего сорта. Обычно фунт риса стоил две-три монеты, а этот — семь. Один такой мешок тянул на семьдесят монет — дневной заработок хорошего мастера. Отец Су Лина часто покупал такой рис, когда хотел сделать кому-то в деревне приятное.

— Спасибо, тётушка, — кивнул юноша.

Ши Синцзюй аккуратно пристроила мешок на каменную ступень и, заметив щенка, похвалила:

— Гляди-ка, какой пёс! Сразу видно — статный, грозный вырастет.

Сяо Хэй, бывший на деле лишь пухлым неуклюжим комочком, больше походил на забавную игрушку, чем на «грозного» зверя.

— И где же он грозный? — улыбнулся Су Лин. — Когда Юань Цзинцуй приходила, он пару раз тьякнул, а она только рукой махнула — он и забился в угол.

Пятая тётя хмыкнула, словно невзначай бросив:

— Надо же, даже собаки твою тётку не любят. Сама-то она со всеми в деревне улыбочивая ходит, а пёс, видать, нутро её чует.

«Не в чести, значит, у собак», — подумал Су Лин, слушая язвительные, хоть и без бранных слов, речи Ши Синцзюй.

Похоже, лада между двумя женщинами не было и в помине. Он сделал вид, что не заметил шпильки, и пригласил гостью отобедать, но та отказалась, сославшись на то, что пора кормить свиней, и на прощание наказала обращаться к ней по любому поводу.

— Знаю, что ты с Юань Цзинцуй близок, но две головы всё же лучше одной, не так ли?

Су Лин послушно закивал, вскользь упомянув, что та тоже о нём заботится и даже свиную грудинку приносила. Тётя на словах рассыпалась в похвалах сопернице, но в душе наверняка исходила желчью.

Когда за Ши Синцзюй наконец закрылась калитка, во дворе воцарилась тишина. Юноша запер курицу в задней пристройке, налил воды в миску Сяо Хэю и набросал птице свежей травы — подорожника и портулака. В сельских делах он понимал мало, но в травах, благодаря отцу, разбирался отлично. Правда, большинство из них он видел только на семейных аптекарских грядках — в горы отец его никогда не отпускал.

«Погода стоит ясная, пора бы собрать урожай с поля и выручить за него деньги», — размышлял он.

Аптекарское поле всегда было на попечении дяди Синчжу. Ши Синсянь ежегодно платил брату за присмотр, но какую именно сумму, Су Лин не знал. Раньше под крылом родителя он жил на всём готовом: ел, пил да почитывал книжки, которые ему приносил Учёный Юань. Но те времена канули в лету.

Су Лин обошёл двор и с удивлением обнаружил, что делать ему совершенно нечего. Вдоль стены боковой пристройки выросла ровная поленница сухих дров, а дренажная канава позади дома была вычищена до блеска.

«Когда он всё это успел? Он вообще спит?»

Наконец юноша нашёл себе занятие: натаскал воды из колодца и принялся отмывать каменные ступени и плиты под навесом. Здесь они часто ели и работали, а значит, чистота была

необходима.

Тщательно оттирая камень, он то и дело поглядывал на солнце, которое уже клонилось к закату, окрашивая дальние горы в багрянец. Девятнадцатый всё не возвращался.

«А вдруг что-то случилось?»

Тревога ледяной змеёй заползла в сердце. Су Лин уже представлял себе страшные картины: как его помощника кусает змея или как дикий кабан переламывает ему ноги своими клыками. В детстве он видел, как отец лечил соседа, растерзанного вепрем — глубокие рваные раны навсегда врезались в память.

Страх пересилил нерешительность. Схватив тесак для дров и опираясь на крепкую палку, Су Лин решительно зашагал прочь из двора. Но не успел он пройти и нескольких сотен шагов, как в сумерках на горной тропе показались две фигуры.

Сердце ёкнуло от надежды. Ковыляя и спотыкаясь, юноша поспешил им навстречу. Горы уже окутал сизый туман, и дорога в угасающем свете стала едва различимой.

Су Лин оступился. Резкая боль пронзила колено, когда он рухнул на камни. В глазах мгновенно помутилось от жгучей обиды — кожа наверняка была содрана в кровь, но времени смотреть не было. Он торопливо поднялся и захромал дальше.

— Ох, Братец Лин, это ты? Куда это ты на ночь глядя в горы собрался? — раздался мужской голос.

Су Лин поднял взгляд. Фигуры приблизились, и он с разочарованием понял — это не Девятнадцатый. То были Третий дядя и Третья тётушка, возвращавшиеся с поля с тяжёлыми мешками кукурузы за плечами.

— Он... — Су Лин запнулся, не привыкший называть раба по имени. — Он ушёл с утра на охоту и до сих пор не вернулся. Боюсь, как бы беды не вышло.

Для любого деревенского это «он» прозвучало однозначно — речь шла о мужчине, поселившемся в его доме.

— До сих пор не вернулся? — изумился Ши Дацин.

Тётушка всплеснула руками:

— Да как же ты один-то в лес пошёл? Совсем голову потерял! В горы только гурьбой ходят, а ты — один!

Су Лин понуро опустил голову, крепче сжимая палку. На других родственников надежды не было, а с остальными сельчанами он не ладил, да и репутация его в деревне была такой, что вряд ли кто пришёл бы на помощь. О семье Третьего дяди он думал, но не хотел обременять их своими заботами в страду.

Однако Третья тётушка, не слушая возражений, строго прикрикнула на него:

— Человеческая жизнь на кону, а ты геройствуешь! Живо спускайся с нами, я в деревне народ подниму, и вместе пойдём искать.

От этого строгого окрика Су Лину вдруг стало легче. Страх отступил, уступив место уверенности — теперь он был не один.

Втроём они быстро спустились к дому. Тётушка ещё раз строго-настрога наказала ему ждать здесь и ни в коем случае не соваться в лес в одиночку. Су Лин кивнул, глядя вслед двум согнутым под тяжестью ноши, но быстро удаляющимся фигурам. В душе его поднялась тёплая, незнакомая волна благодарности.

<http://bllate.org/book/15320/1354529>